

Чжун Гуаньбай, взглянув на тетрадь Тан Сяоли, сразу же набросал в уме примерный план музыкального сопровождения. Он вложил часть собственных средств и убедил продюсера, благодаря чему съёмки фильма быстро начались.

Цинь Чжао мгновенно стал звездой.

Три номинации и звание лучшего актёра вознесли его на вершину славы.

Позже Цинь Чжао, исполненный благодарности, отплатил Тан Сяоли сполна, а Чжун Гуаньбаю, не имея возможности отплатить тем же, просто пригласил его в свою студию.

Тан Сяоли, услышав о планах Чжун Гуаньбая, попросил Цинь Чжао включить громкую связь.

— Чжун Гуаньбай, ты правда собираешься уехать в европейскую глушь, чтобы практиковаться? Когда вернёшься, будешь уже стариком, а на прилавках будут только молодые красавцы. Что ты будешь делать, когда превратишься в засохший фрукт?

Тан Сяоли, чья речь с годами становилась всё острее, был мастером сарказма. Даже настоящий актёр, стоящий рядом, не смог бы сравниться с ним в этом искусстве.

Чжун Гуаньбай перевёл взгляд на Лу Цзаоцю, стоявшего рядом.

— Я не товар, зачем мне лезть на прилавок? — сказал он, любясь профилем Лу Цзаоцю. — Лу Цзаоцю — человек принципиальный. Даже если красота увянет, его сердце не изменится. Я не боюсь. Я уже говорил тебе, что... эм, быть с мужем — это совсем другое чувство.

Лу Цзаоцю повернулся к нему, на губах появилась лёгкая улыбка.

Чжун Гуаньбай продолжил:

— Я, может, и не самый порядочный человек, но Лу Цзаоцю — порядочный, а значит, с округлением, я тоже порядочный. Ты, обычный человек, нас не поймёшь.

Тан Сяоли фыркнул:

— Тогда с округлением я — лучший актёр.

Чжун Гуаньбай ответил:

— Ты ошибаешься. Ты всегда был лучшим актёром.

Он положил трубку, сунул телефон в карман Лу Цзаоцю и, воспользовавшись моментом, небрежно провёл рукой по карману.

Лу Цзаоцю спокойно заметил:

— Мы в аэропорту.

Чжун Гуаньбай вдруг почувствовал лёгкое головокружение. Вспомнилось, как они только начали встречаться и отправились на гастроли. Тогда он тоже не удержался и так же провёл рукой по Лу Цзаоцю, и тот сразу же нахмурился.

Мысленно вернувшись к тому моменту, Чжун Гуаньбай взглянул на Лу Цзаоцю, и в его сердце смешались сладость и горечь.

— Я просто потрогал, — сказал он.

Лу Цзаоцю не стал возражать и даже не обратил на это внимания, спокойно продолжая читать. Чжун Гуаньбай оставил руку в его кармане, открыто лаская его в зале ожидания. Лу Цзаоцю оставался невозмутимым, а вот сам Чжун Гуаньбай уже не мог сдерживать себя.

Через некоторое время началась посадка. Чжун Гуаньбай сидел на диване, не желая вставать.

Лу Цзаоцю взглянул на его брюки. Выражение лица Чжун Гуаньбая было подозрительным.

— Лу Цзаоцю, подожди немного... Мне нужно время... Совсем чуть-чуть, — прошептал он.

Лу Цзаоцю кивнул и стал ждать.

Через некоторое время Чжун Гуаньбай хрипло сказал:

— Лу Цзаоцю, не смотри на меня так.

Лу Цзаоцю:

— Хорошо.

Чжун Гуаньбай:

— Лу Цзаоцю, пока не говори со мной.

Наконец, странное выражение лица Чжун Гуаньбая исчезло. Он встал, взял в одну руку футляр со скрипкой Лу Цзаоцю, а в другую — ручную кладь, и они вместе направились к самолёту.

За окном аэропортового здания постепенно удалялись. Роскошные небоскрёбы, переплетающиеся дороги, спешащие машины — всё это становилось всё меньше, пока не исчезло из виду.

Медовый солнечный свет проливался сквозь облака, окрашивая их в тёплые оттенки.

Это был свет надежды.

Франция, Приморские Альпы.

Поезд, направлявшийся к прибрежному городку на Лазурном берегу.

— Молодой человек, ваши цветы такие красивые, — сказала девочка лет шести-семи.

На ней было розовое платье, белые носки и чёрные туфельки. Её золотистые волосы были собраны в хвостик, а на носу виднелись милые веснушки. Её большие голубые глаза смотрели на розы в руках Чжун Гуаньбая с лёгкой застенчивостью.

Чжун Гуаньбай улыбнулся и ответил на французском:

— Спасибо. Я бы с радостью подарил вам одну, но...

Он, не испытывая ни капли сожаления, продолжил под крайне оживлённым взглядом девочки:

— Но эти цветы предназначены для этого джентльмена.

Девочка взглянула на Лу Цзаоцю, сидевшего у окна, и снова посмотрела на Чжун Гуаньбая.

— Джентльмен должен дарить розы дамам, — тихо сказала она.

Мама девочки взяла её на руки, извиняюще улыбнулась Чжун Гуаньбаю и сказала дочери:

— Джентльмен может дарить розы и джентльменам. Ну, Элиза, нам пора выходить.

Девочка продолжала смотреть на Чжун Гуаньбая с мольбой.

Лу Цзаоцю взял одну розу из букета и протянул её девочке.

— Спасибо, сэр, вы такой щедрый, — радостно сказала девочка.

Мама с дочкой вышли из поезда, но девочка продолжала смотреть на Лу Цзаоцю через окно. Чжун Гуаньбай с лёгкой ревностью сказал:

— Сэр, вы такой щедрый.

Лу Цзаоцю ответил:

— Она просто хотела цветы, а не тебя.

Чжун Гуаньбай нарочно спросил:

— А если бы она хотела меня?

В глазах Лу Цзаоцю мелькнула улыбка.

— Тогда пришлось бы бросить перчатку.

Поезд остановился в прибрежном городке. Солнце светило сладко, а морской бриз был густым.

Лу Цзаоцю снял дом с роялем на холме у моря. С собственного двора можно было видеть залив неподалёку.

Они только что вернулись с цветочного поля. Чжун Гуаньбай сидел за роялем, сочиняя музыку.

Два микрофона были установлены над струнами рояля, точно записывая каждую деталь его игры.

Чжун Гуаньбай играл до самого вечера, но каждый раз чувствовал, что чего-то не хватает. Как будто перед ним простиралось огромное поле цветов, а он мог сыграть лишь один листок. Он хотел что-то изменить, но не мог найти вдохновения, и это его раздражало.

Лу Цзаоцю взял скрипку и сыграл спокойную мелодию, словно успокаивая его нервы.

Чжун Гуаньбай встал, прошёлся пару раз и снова сел за рояль.

Гении всегда чрезвычайно чувствительны. То, что уходит из жизни, обычные люди не замечают, но гении замечают. Они страдают, зная, что когда-то обладали этим.

Лу Цзаоцю закончил играть, подошёл к Чжун Гуаньбаю сзади и сказал:

— Не торопись.

Чжун Гуаньбай сыграл несколько нот и убрал руки.

— Лу Цзаоцю, мне кажется, что раньше мою руку держал сам бог, а теперь он отпустил.

Лу Цзаоцю наклонился, протянул руку и накрыл ею руку Чжун Гуаньбая.

— Он не отпустил. Давай.

Чжун Гуаньбай сыграл ещё немного, но так и не нашёл нужного чувства.

Лу Цзаоцю сказал:

— Это не дело одного дня. Техника требует практики, а ты уже достаточно практиковался. Эмоции требуют вдохновения, и если ты его не находишь, значит, тебя ничего не трогает. — Он взял руку Чжун Гуаньбая. — Хватит играть. Давай прогуляемся.

Они пошли по тропинке на холме. Лёгкий ветерок приносил ароматы растений, а закат над морем окутывал прибрежный городок мягким светом.

Чжун Гуаньбай посмотрел на профиль Лу Цзаоцю и вдруг сказал:

— Лу Цзаоцю, кажется, я давно не читал тебе стихи.

Лу Цзаоцю, глядя на море, сдержал смех.

— Правда или шутка?

Чжун Гуаньбай ответил:

— Ты знаешь мой уровень.

Лу Цзаоцю остановился, легонько поцеловал Чжун Гуаньбая в губы.

— Не читай.

Чжун Гуаньбай, словно наслаждаясь, лизнул губы.

— Ты — луна над морем...

Лу Цзаоцю тихо рассмеялся.

— Заткнись.

И он крепко поцеловал Чжун Гуаньбая, их губы и дыхание переплелись.

Долгий поцелуй удовлетворил Чжун Гуаньбая, он запыхался и больше не заикался о стихах.

Они шли долго, как вдруг услышали звуки рояля, доносящиеся из ресторана в конце тропинки.

Чжун Гуаньбай сразу понял, что игра была невысокого уровня.

— Пойдём, Лу Цзаоцю, покажем им, как надо.

За роялем сидела молодая девушка лет двадцати. Чжун Гуаньбай подошёл к ней, несколькими фразами уговорил её уступить место и сам сел за инструмент. Он сыграл «Звуки и ароматы вечера» Дебюсси.

Мелодия рояля мягко лилась по залу, делая наступающий вечер ещё более уютным.

Когда он закончил, раздались аплодисменты и восхищённые возгласы.

Недалеко от них сидел высокий мужчина с изумрудными глазами, чьи аплодисменты были особенно громкими. Он встал и сказал Чжун Гуаньбаю:

— «Les sons et les parfums tournent dans l'air du soir».

Чжун Гуаньбай улыбнулся, но ничего не ответил.

<http://bllate.org/book/15543/1382816>